

Т.В. Куш
ЕКАТЕРИНБУРГ

ЛАТИНЯНЕ В ВОСПРИЯТИИ ЛАТИНОФИЛОВ

После событий 1204 г. в сознании византийцев глубоко укоренилось враждебное отношение к Западу. Греки не могли забыть того унижения собственного достоинства, которое они испытали во времена латинского владычества. Историческая память о схизме и последствиях IV Крестового похода во многом определяла неприязнь и предвзятость поздневизантийского общества к латинянам, которых упорно продолжали отождествлять с варварами. Господствующая политическая доктрина подпитывала подобные настроения, находя идеологическое обоснование превосходства греков над остальным миром в культивируемой веками идее великодержавности, которая уже не соответствовала поздневизантийским реалиям¹.

Тем не менее, на фоне всеобщей нелюбви к европейцам и высокомерного отношения к Западу в 60-е гг. XIV в. в Византии оформилось течение, которое было ориентировано на сближение с латинянами. Представители этого направления обладали значительным влиянием в империи в силу своей близости ко двору, особенно в правление византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425), который разделял подобные умонастроения.

Латинофильское направление, которое заявило о себе особенно отчетливо со второй половины XIV в., было своего рода реакцией на распространение исихазма в Византии². Латинофильство как идейное течение в своей основе изначально имело теологическое основание. Странниками прозападного течения были преимущественно представите-

¹ BECK H.-G. Reichsidee und national Politik in spätbyzantinischen Staat // BZ. 1960. Bd. 53. Hf. 1. S. 86; DIETEN VAN J.-L. Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // Zeitschrift für historische Forschung. 1979. Bd. 6. Hf. 1. S. 6.

² MEYENDORFF J. Society and Culture in the Fourteenth Century: Religious Problems // XIVe Congrès International d'Études byzantines. Bucarest, 1971. P. 55.

ли интеллектуальных кругов, интерес которых к Западу базировался на глубоком изучении трудов западных авторов, прежде всего сочинений Фомы Аквинского. Знакомство с западным богословием определило готовность некоторых интеллектуалов не только признать культурное превосходство Запада, но и пойти на уступки по ключевым религиозным вопросам, размежевавшим христианский мир. Увлечение западной теологией определило переход ряда интеллектуалов в лоно католической церкви. У истоков позднего латинофильства стоял видный политический деятель и ученый Димитрий Кидонис, который не только открыто декларировал свои пролатинские убеждения, но и собственным примером продемонстрировал готовность признать главенство римского понтифика, приняв крещение по западному образцу. Вслед за своим учителем Димитрием Кидонисом его ученики Максим и Андрей Хрисоверги, Мануил Хрисолора, Димитрий Скаран перешли в католичество³. Мануил Калека и братья Хрисоверги стали доминиканскими монахами⁴. 17 человек из числа наиболее известных византийских интеллектуалов второй половины XIV– первой половины XV в. сменили свое вероисповедание. Переход в католичество большинства латинофилов был определен идейными соображениями, хотя, по мнению многих своих современников, они совершали это «ради почести и даров» (τιμῆς καὶ δώρων εἶνεκα)⁵.

Внешнеполитическая ситуация, осложнившаяся во второй половине XIV в. в связи с активизацией турок в Малой Азии и на Балканах, ставила на повестку дня проблему выживания империи. Под давлением этих обстоятельств латинофильское крыло постепенно приобретало и политическую направленность, видя спасение империи в условиях нарастающей турецкой угрозы в союзе с западными правителями и папством. Уния разделенных церквей с подчиненным положением православия не казалась непосильной ценой за помощь, которую Запад мог оказать империи ромеев. По убеждению латинофилов, только совместными усилиями единого христианского мира, прежде всего организацией крестового похода, можно было остановить продвижение турок. Ради этой прагматической цели многие считали оправданным не только политическое, но и религиозное сближение с Западом. Латинофилы пони-

³ BECK H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 740-751.

⁴ LOENERTZ R. La société des frères pèlerins. Étude sur l'Orient Dominicain. Rome, 1937. P. 83-88.

⁵ The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G.T. DENNIS. Washington, 1977. Ep. 30.32.

мали, что турки являют угрозу не только их родине, но представляют опасность для других христианских государств⁶, хотя Запад не мог еще в полной мере осознать всю серьезность положения дел на Востоке и спрогнозировать последствия турецких побед для европейских стран.

В латинофильской среде, представители которой включились в диалог с Западом, сложилось свое представление о западных соседях и европейском мире в целом, отличавшееся в ряде случаев от устоявшихся общественных взглядов и оценок. Те, кто стремился к политическому и религиозному сближению с латинянами, определяли для себя свое отношение к соседям. В эпистолярных сочинениях византийских авторов пролатинского направления (Димитрия Кидониса, Мануила Калеки, Мануила Хрисолоры, Мануила II Палеолога), содержавших замечания оценочного характера относительно Запада и европейцев, зафиксировалось достаточно противоречивое восприятие латинян латинофилами.

Латиняне (Λατῖνοι) для византийских писателей второй половины XIV в. являлись, как и в предыдущие столетия, прежде всего собирательным обозначением для всех европейцев⁷. Безусловно, византийцы знали самоназвания европейских народов. В эпистолярных сочинениях, в которых аттические понятия порой подменяли реальные имена, часто встречаются упоминания этнически окрашенных определений иностранцев: итальянцы, испанцы, французы. Тем не менее, интеллектуалы продолжали воспринимать Запад как некое единое пространство, противопоставляя его, прежде всего в религиозном отношении, православной империи ромеев.

Водоразделом, который пролег между Западом и Востоком, оставались религиозные разногласия. Димитрий Кидонис, крупнейший представитель латинофилов этого времени, указывал на те обвинения, которые католический Запад выдвигал в отношении византийцев: «... ведь римляне обращают наше внимание на наши ложные взгляды в теологических вопросах и на наши нововведения в церковной сфере и в религиозной практике, и называют заносчивость варваров (турок – Т.К.) нака-

⁶ Поляковская М.А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 48.

⁷ А.П. Каждан отмечал, что с XII в. византийские писатели стали употреблять понятие «латинянин» как собирательное название народов Европы, Запад же они начали с этого времени рассматривать как единое пространство: KAZHDAN A. Latin's and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to Twelfth Century // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / Ed. A.E. LAIOU, R.P. MOTTAFEDEN. Washington, 2001. P. 86.

занием за это»⁸. Подобные упреки с тем же пафосом звучали и с другой стороны. Но именно латинофилы пытались преодолеть эту глухую стену взаимных обвинений в ложности религиозных убеждений, хотя путь, ими избранный, казался большинству соотечественников унижительным и вероотступническим.

Латинофилы пытались преодолеть эту вековую дихотомию «греки – латиняне». Поскольку давнее противостояние ромеев и латинян базировалась прежде всего на религиозных расхождениях, то латинофилы пытались нивелировать этот барьер, акцентируя внимание на христианском единстве Запада и Востока. В условиях агрессии мусульманских народов для них очевидным казалось сплочение христиан перед лицом общего врага⁹. С этой точки зрения, латиняне были безусловными союзниками греков в «священной войне»¹⁰ с неверными¹¹. Более того, сторонники латинофильских взглядов заявляли о своей готовности признать преимущества католической веры. Мануил Калека отмечал, что латиняне «... в безмолвии, порядке и благоговении совершают таинства, которые нисколько не уступают нашим гимнам и чтениям, и в чем-то даже превосходят»¹² (σιγῆ δὲ πολλῆ καὶ τάξει καὶ εὐλαβεῖα τὰ κείνων τελεῖσθαι μυστήρια καὶ μηδὲν ἕλαττον ἔχειν τῶν παρ' ἡμῖν ὕμνων καὶ

⁸ Démétrius Cydonès. *Correspondance* / Publ. par R.-J. LOENERTZ. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2. Ep. 39.37-39.

⁹ Еще Никифор Григора, питавший неприязнь к латинянам, считал, что византийцы должны забыть о своей враждебности к Западу для объединения усилий всех христиан в борьбе с турками. См.: ЗАКРЖЕВСКАЯ О.Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры (К вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.) // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 81.

¹⁰ Дж. Деннис полагает, что византийцы не знали концепции «священной войны», которая на Западе имела форму крестовых походов, а для мусульман реализовывалась в идеи джихада: DENNIS G. *Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // The Crusades from the Perspective...* P. 32-34.

¹¹ Главной задачей всей поздневизантийской дипломатии станет вопрос об унии церковей и организации крестового похода против турок для спасения империи: МЕДВЕДЕВ И.П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 133; OIKONOMIDES N. *Byzantine Diplomacy, A.D. 1204–1453: Means and Ends // Byzantine Diplomacy / Ed. by J. SHEPARD, S. FRANKLIN. Hampshire, 1992. P. 88.*

¹² *The Letters of Manuel II Palaeologus...* Ep. 30.37-39. Мнение Мануила Калеки передает Мануил II Палеолог с явным осуждением, так как он усматривал в этом предательство собственной веры. Стоит заметить, что отношение императора к конвертитам было достаточно неоднозначным, поскольку, порицая переход в католичество своих подданных, он тем не менее поддерживал близкие отношения со многими прозелитами.

ἀναγνώσεων ἐν δὲ τοῖς καὶ πλεονεχεῖν). Подобными высказываниями латинофильствующие авторы наносили удар по традиционной позиции, исполненной высокомерия, в отношении западной догматики и культа.

Особую роль в воссоздании единства христианской ойкумены должен был сыграть римский понтифик. Именно на него уповал Кидонис, полагая, что именно папа «снова соединит вместе рассеянных детей Бога» (εἰς ἓν αὐθις τὰ διεσχορλισμένα τοῦ Θεοῦ τέκνα συνάγων)¹³. Латинофилы выражали готовность признать примат папы, называя его наместником Христа (ἐπίτροπος τοῦ Σωτῆρος)¹⁴, «общим отцом» (ὁ πάντων πατήρ)¹⁵, человеком, который «господствуя над всеми, всеми же и руководит» (ὁ δὲ πάντων μὲν ἄρχων πάντων δὲ ἐξηγουόμενος)¹⁶. Однако эти высказывания имели весьма конкретный политический расчет. С папой были связаны их надежды на помощь всех христиан мира в борьбе византийцев с турецкой опасностью. Папа, с точки зрения латинофилов, должен был стать духовным главой и лидером объединенного христианского мира.

Однако латинофилы отчетливо понимали, что папский престол в большей степени увлечен идеей унии западной и восточной церквей с подчиненным положением православных, нежели планом объединения сил христиан в противостоянии туркам. В одном из писем Мануилу II Палеологу Димитрий Кидонис ясно дал понять, что он весьма трезво оценивал причины интереса понтифика к Византии: «С посольством в Рим всегда связаны теологические вопросы ... Ведь (представители – Т.К.) церкви не удовлетворяются ни деньгами, ни брачными связями или другим благим союзничеством, а только речи о догме для них звучат приятно и они (только тогда – Т.К.) склоняются к предложениям, если они могут надеяться на соглашение, за что они даже отдали бы свои души в качестве награды»¹⁷. Кидонис прозрачно намекал на тот факт, что только подписание унии рассматривалось папой как предварительное условие оказания любой помощи. В ходе многочисленных переговоров, которые вели византийцы с папским престолом, «смену веры» (τὴν τῆς πίστεως καὶνοτομίαν) легаты выдвигали как обязательное условие, как встречный подарок за военный союз¹⁸. Никакие увещевания или рассказы о бедах империи не могли заинтересовать

¹³ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 190.56.

¹⁴ The Letters of Manuel II Palaeologus... Ep. 8.17-18.

¹⁵ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 167.49; 190.54.

¹⁶ Ibid. Ep. 23.27.

¹⁷ Ibid. Ep. 302.69-76.

¹⁸ Ibid. Ep. 327.29-30.

понтифика византийской проблемой сильнее, чем согласие византийцев признать примат папы.

Столь же неоднозначные высказывания звучали в адрес европейских правителей, с кем латинофилы также связывали свои упования на помощь империи. Во время путешествия на Запад в 1399–1403 гг. в поисках союзников византийский император Мануил II Палеолог познакомился с некоторыми европейскими правителями¹⁹. Император высоко оценил благородство, дружелюбие и усердие в вопросах веры французского короля Карла VI Валуа (1380–1422)²⁰, хотя данные высказывания скорее носили характер риторического реверанса в адрес слабого и нездорового монарха. Английского короля Генриха IV Ланкастера (1400–1413) Мануил II наделил многими эпитетами, которые в традиции византийской официальной лексики скорее подошли для василевса ромеев: «... правитель Великой Британии, второй, можно сказать, ойкумены, окруженный многими благами и изобилующий различными добродетелями... Он самый блестящий как внешне, так и в своем убеждении, удивляет всех силой, делает всех друзьями, протягивает всем руку, предостзывает себя тем, кто нуждается в помощи»²¹. Столь лестные характеристики, данные европейским монархам, были связаны с ожиданиями помощи в борьбе с турками, но когда иллюзии по поводу обещаний рассеялись²², кардинально изменились и высказывания в их адрес. Политический расчет не оправдался, а вместе с ним подтвердились традиционные представления о латинянах.

Определение «латиняне» в собирательном значении, безотносительно к конкретной персоне, порой приобретало в оценках латинофилов пренебрежительный оттенок. Пользуясь устоявшейся терминологией, даже интеллектуалы позволяли себе назвать латинян варварами²³. В числе

¹⁹ Васильев А.А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе // ЖМНП. 1912. Т. 5. С. 41-78; Т. 6. С. 260-304.

²⁰ The Letters of Manuel II Palaeologus... Ep. 37.

²¹ Ibid. Ep. 38.20-29.

²² Мануил II в письме к Мануилу Хрисолоре пишет о своем глубоком разочаровании, когда стало очевидно, что западные правители не спешат выполнять заключенные договоренности: Ibid. Ep. 55.

²³ По наблюдению Г. Диттена, на протяжении столетий жители Запада обозначались византийскими писателями как βαρβαροι. Но в XV в. поздневизантийские историографы (Дука, Сфрандзи, Критовул, Халкокондил) называют их латинянами, итальянцами, французами и др. Для них европейцы больше не были «варварами»: DITTEN H. Βάρβαροι, "Ἕλληνας und Ρωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XIIe Congrès International d'Études byzantines. Beograd, 1964. Vol. 2. S. 283-287. Византий-

них был и Кидонис, у которого отождествления жителей Италии с варварами были крайне редки²⁴. Но даже он использовал подобные названия применительно к европейцам. В письме к Мануилу II в пору его пребывания в Италии в 1371 г. Кидонис удовлетворенно заметил, что юный деспот «благородным образом мыслей взял верх над варварами»²⁵. Возможно, причиной столь высокомерного обращения к итальянцам была озлобленность на венецианцев, которые удерживали за долги делегацию Иоанна V Палеолога (1341–1391). Итальянские территории Кидонис неоднократно называл землями варваров (в письмах Энеотису²⁶, Георгию Философу²⁷ и Елене Палеологине²⁸). Кидонис был убежден, что именно империя ромеев остается лучшим гарантом закона, чем все варварские правители²⁹.

Несколько иные акценты делали латинофилы, характеризуя культурный уровень европейцев, в первую очередь итальянцев. Образованные византийцы отмечали тягу латинян к освоению античного наследия. По наблюдению Кидониса, жители Италии восхищенно взирали на труды древних авторов и стремились учиться у «великих учителей Стои и Перипата»³⁰. Кидонис писал в одном из своих писем, что «у варваров накопились многие плоды мудрости» (παρὰ τοῖς βαρβάροις χαρτοῦς σοφίας ἀλοησιένοις)³¹, которые были созданы древними авторами и которые переживали свое второе рождение благодаря интересу гуманистов к античности. Культурный подъем на Западе, который могли наблюдать интеллектуалы, контрастировал с состоянием дел на образовательной ниве в Византии³². Сравнение уровня культурного развития итальянцев и византийцев оказывалось не в пользу последних. Визан-

---

ские эпистолографы второй половины XIV – начала XV в. хоть и в исключительных случаях, но все же еще прибегали к определению европейцев как варваров. В последующем из арсенала риторических оборотов термин «варвары» в отношении латинян будет исключен. Под варварами будут понимать исключительно турок.

²⁴ Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. TINNEFELD. Stuttgart, 1981. Т. 1. Hbd. 2. Br. 76. A. 7.

²⁵ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 21.18-19.

²⁶ Ibid. Ep. 36.20.

²⁷ Ibid. Ep. 32.30-31.

²⁸ Ibid. Ep. 222. 94.

²⁹ Demetrios Kydones. Briefe... Br. 57.27-35, A. 14.

³⁰ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 435.12-13.

³¹ Ibid. Ep. 328.10-11.

³² TINNEFELD F. Das Niveau der abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter Byzantiner im 13. und 14. Jh. // BF. 1979. Bd. 6. S. 273-275.

тийские писатели, продолжавшие еще гордиться собственной культурой и прошлым ее величием, вынуждены были согласиться с тем, что именно из византийских источников «потоки мудрости (τὰ ρεῦματα τῶν λόγων) утекают к варварам»³³. Итальянские гуманисты, по признанию Кидониса, «... показывают великую жажду к прогулкам в лабиринтах Аристотеля и Платона, к которым наши люди никогда не проявляли интереса»³⁴. В условиях повышенного интереса гуманистов к наукам неутожительной казалась для латинофилов ситуация в их собственном отечестве. С горечью приходилось констатировать, что для византийцев «... нет ничего позорнее, чем философ, но Рим не страдает от подобной болезни, там оказывают все возможные почести ученым»³⁵. Знакомство с литературными успехами своих итальянских коллег заставляло писателей-латинофилов открыто признавать очевидное превосходство Запада³⁶. Пристальный взгляд на латинскую культуру убеждал латинофилов, что по уровню интеллектуального развития Запад постепенно опережал Византию, становясь недостижимым в условиях упадка образования и науки в их собственном отечестве.

Именно в оценках культурного развития латинян стереотипы восприятия европейцев подверглись наибольшей ломке, хотя до конца изжить свое высокомерие латинофилам не удалось. Византийские писатели, хоть и признавали достижения западной науки, тем не менее, твердо были убеждены, что Запад должен учиться мудрости и знаниям у византийцев, которые являлись носителями древней культуры. Одно из своих посланий Тарханиоту, написанное по дороге в Италию, Кидонис завершил весьма примечательным пассажем: он извиняется за простой стиль письма замечанием «поскольку я ныне плыву к варварам»³⁷ и поэтому могу писать по-варварски» (ὡς νῦν ἐπὶ βαρβάρους πλέοντα καὶ βαρβαρίζειν ἐχρήην)³⁸. Данное высказывание, не лишённое иронии, тем не менее отражает устоявшееся представление об уровне развития риторики на Западе с точки зрения искушенного в этой области византийца.

³³ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 435.15.

³⁴ MERKATI G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura byzantina del secolo XIVe. Città del Vaticano, 1931. P. 365.83-84.

³⁵ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 177.36-37.

³⁶ ŠEVČENKO I. The Decline of Byzantium seen through the Eyes of its Intellectuals // DOP. 1961. Vol. 15. P. 176-177.

³⁷ Кидонис в 1390 г. отправился в свое второе путешествие в Италию. Под дорогой к варварам подразумевается поездка автора в Венецию.

³⁸ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 435.47-48.

Понятие «латинянин» применялось не только к людям Запада в целом, но и для обозначения конкретного человека, выходца из Европы. Образ персонифицированного латинянина складывался в результате личных контактов во время визитов на Запад или общения с прибывавшими в Византию европейцами. И этот образ выгодно отличался от представлений о европейцах в целом. На смену умозрительным характеристикам, порой весьма стереотипным для византийского сообщества, на первый план выходят оценки личных качеств индивида.

Димитрий Кидонис неоднократно в письмах рекомендовал своим друзьям иностранных знакомых, которые оказывались в Византии с разными (политическими, дипломатическими или научными) целями. В этих рекомендациях прежде всего акцент делался на благородстве души, образованности, стремлении к знаниям. С удовлетворением отмечая их уважительное отношение к византийской науке, Кидонис писал, что «к нам устремляются влюбленные в мудрость» (εἰ παρ ἡμᾶς οἱ σοφίας ἐρασταὶ φαίνοιντο τρέχοντες)³⁹. Вызывало восхищение у латинофилов стремление иностранцев овладеть «языком эллинов» (τὴν Ἑλλήνων φωνήν)⁴⁰ и «утолить свою жажду из источников мудрости»⁴¹. Оказание поддержки прибывавшим в поисках знаний европейцам Кидонис рассматривал и как средство культурной пропаганды, предполагая, что, вернувшись на родину, они станут трансляторами идеи византийской образованности. Безусловно, европейцы, с которыми предпочитали общаться византийские интеллектуалы, были отмечены высоким достоинством, обладали знаниями и интеллектом.

Пролатинские настроения некоторых интеллектуалов подвергались резкой критике и осуждению со стороны соотечественников. Такие нападки звучали в адрес Мануила Хрисолоры, о чем упоминал Кидонис: «... но Хрисолору, очевидно, ни один не осудил бы за дружбу с латинянами, если бы он сдерживал собственное мнение»⁴². Даже «пускаться в разговоры» с латинянами в глазах многих казалось опасным и предосудительным⁴³. В среде тех, кто упорствовал в своих предубеждениях относительно Запада⁴⁴, открыто демонстрировать свои латинофильские

³⁹ Démétrius Cydonès. Correspondance... Ep. 435.20.

⁴⁰ Ibid. Ep. 221.20-21.

⁴¹ Ibid. Ep. 435.14.

⁴² Ibid. Ep. 358.20-21.

⁴³ Ibid. Ep. 36.17.

⁴⁴ Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften/ Publ. H. HUNGER. Wien, 1969. Ep. 29.12-14.

взгляды было чревато обвинениями в предательстве и пренебрежении родиной.

Анализ этих высказываний позволяет говорить о неоднозначном отношении к латинянам даже среди тех, кто демонстрировал свое расположение к западным соседям. Несмотря на признание западной культуры и богословия, несмотря на стремление к более тесному культурному сближению, на готовность пойти на уступки в вопросах веры, представители прозападного течения в своих оценках подчас руководствовались традиционным подходом ко всем невизантийцам, называя в рамках старой фразеологии латинян варварами, подчеркивая свое снисходительное отношение к ним, проявляя политический снобизм.

Таким образом, даже те, кто заявлял о своей толерантности к латинянам, оказывались под влиянием идеологического и психологического стереотипа в отношении к Западу. Это определило двойственность оценок византийских авторов прозападного крыла, когда признание равенства и возможности партнерства с латинянами сочеталось порой с нескрываемым высокомерием и пренебрежением по отношению к ним.

T.V. KUŠČ
EKATERINBURG

LATEINER IM URTEIL DER LATINOPHILEN

Im lateinerfreundlichen Milieu, dessen Vertreter den Dialog mit dem Westen aufnahmen, entstand eine besondere Vorstellung von den westlichen Nachbarn und der westlichen Welt überhaupt, die sich in manchen Fällen von den in der byzantinischen Gesellschaft weit verbreiteten Ansichten und Wertungen unterschied. Einerseits hatte der Sammelbegriff „Lateiner“ mitunter bei den Lateinerfreunden einen verächtlichen Klang. Andererseits zeichneten die Lateinerfreunde ein ansprechendes Bild von den Lateinern, indem sie auf das Niveau der westlichen Kultur hinwiesen oder eine bestimmte Person aus dem Westen herausstellten. Sie äußerten sich mit Hochachtung über den Papst, europäischen Herrscher, Vertreter des Humanismus. Dennoch erlaubt die Analyse der Äußerungen, allgemein von einer nicht eindeutigen Beziehung zu den Lateinern selbst bei denen zu sprechen, die Sympathie gegenüber den westlichen Nachbarn bekundeten. Trotz Anerkennung für die westliche Kultur und Theologie, trotz des Verlangens nach größerer Annäherung, nach Bereitschaft zu Konzessionen in Fragen des Glaubens ließen sich die Vertreter der prowestlichen Richtung mitunter von traditionellen Werturteilen über alle Nichtbyzantiner leiten, indem sie die Lateiner als Barbaren bezeichneten, sich herablassend über sie äußerten und politischen Snobismus zur Schau stellten.